

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-3-80-95>
<https://elibrary.ru/LZEGXR>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2022. М. М. Сафонов

Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Воспоминания В. А. Соллогуба о предыстории дуэли А. С. Пушкина

Аннотация: Мемуары В. А. Соллогуба о несостоявшейся ноябрьской дуэли А. С. Пушкина принято считать очень точным и ценным источником для истории последних лет жизни поэта. Ученые используют их для воссоздания конкретных событий ноября 1836 г., исследования психологического состояния поэта накануне его гибели. Существует несколько редакций воспоминаний Соллогуба. Стремясь воссоздать наиболее полную и конкретную картину событий, предшествующих смерти Пушкина, ученые соединяют фрагменты разных редакций мемуаров в единое целое, не принимая во внимание, что они не только не согласуются между собой, но и в ряде случаев прямо противоречат друг другу. Автор статьи сопоставляет различные редакции воспоминаний Соллогуба и приходит к важному выводу о том, что мемуарист без достаточных оснований приписывал себе роль спасителя Пушкина.

Ключевые слова: В. А. Соллогуб, А. С. Пушкин, Ж. Дантес, д'Аршиак, Е. Н. Гончарова, дуэль, мемуары, воспоминания, редакции.

Информация об авторе: Михаил Михайлович Сафонов, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук, Петрозаводская ул. 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0000-9532-2216>

E-mail: m.safonov@list.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 07.05.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 11.06.2022

Дата публикации статьи: 25.09.2022

Для цитирования: Сафонов М. М. Воспоминания В. А. Соллогуба о предыстории дуэли А. С. Пушкина // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 3. С. 80–95. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-3-80-95>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 3, 2022, pp. 80–95. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 3, 2022, pp. 80–95. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. Mikhail M. Safonov

St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Memoirs of V. A. Sollogub about the Prehistory of A. S. Pushkin's Duel

Abstract: V. A. Sollogub's memoirs about the failed November duel of A. S. Pushkin are valuable as a very accurate source for the history of the last years of the poet's life. Scholars use them to recreate specific events of November 1836 and to study the psychological state of the poet on the eve of his death. There are several editions of Sollogub's memories. In an effort to recreate the most complete and specific picture of the events preceding Pushkin's death, scholars join various fragments of various editions of memoirs to a single whole, without taking into account that they are not only not consistent with each other, but in some cases directly contradict each other. The author of the article compared the various editions of Sollogub's memoirs and came to an important conclusion that the author of the memoirs without sufficient reason, he ascribed to himself the role of Pushkin's savior.

Keywords: V. A. Sollogub, A. S. Pushkin, J. Dantes, d'Arshiac, E. N. Goncharova, duel, memoirs, editions.

Information about the author: Mikhail M. Safonov, PhD in History, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya 7, 197110 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0000-9532-2216>

E-mail: m.safonov@list.ru

Received: May 7, 2022

Approved after reviewing: June 11, 2022

Published: September 25, 2022

For citation: Safonov, M. M. "Memoirs of V. A. Sollogub about the Prehistory of A. S. Pushkin's Duel." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 3, 2022, pp. 80–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-3-80-95>

«Мемуары Соллогуба являются очень точным и ценным источником для истории последних лет жизни Пушкина и его дуэли. Соллогуб иногда путает даты (он сам в этом сознается). Но верно излагает события, с поразительной точностью передает даже незначительные детали.

Надежность его воспоминаний подтверждает сравнение писем, которые цитируются им по памяти с обнаруженными впоследствии подлинниками этих писем», — так высоко оценивают это сочинение составители сборника «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников» [А. С. Пушкин в воспоминаниях: 507]

Если бы мы захотели указать имена исследователей, которые разделяли эту точку зрения, нам пришлось бы перечислить едва ли ни всех ученых, занимавшихся историей дуэли Пушкина. Именно на основании мемуаров В. А. Соллогуба дается трактовка заключительной стадии несостоявшейся ноябрьской дуэли поэта, его плана дальнейших действий, датируется ранняя редакция письма к Геккерну 17–21 ноября 1836 г. [Щеголев 1999: 96–102].

Поскольку воспоминания Соллогуба имеют такое важное значение, представляется довольно странным, что его мемуары всегда принимались пушкинистами на веру. А между тем в руках ученых было достаточно улик, чтобы отнестись к этим мемуарам с недоверием. Взять, например, такой простейший факт, как описание первого знакомства с Пушкиным, различно представленное мемуаристом в разные годы [Соллогуб 1887: 115–116; Соллогуб 1985: 335–336]. Одно это должно было бы насторожить исследователей, потому что даже на основании уже этого единственного факта можно было отнестись к воспоминаниям Соллогуба с определенной долей скепсиса. Не меньшее удивление должно было бы вызвать и сообщение мемуариста о том, что на балу у С. В. Салтыкова Пушкин предложил Соллогубу заключить пари относительно женитьбы Дантеса, поставив все свои сочинения против его тросточки [Соллогуб 1985: 345]. Известный пушкинист П. А. Ефремов

резонно заметил по этому поводу: «Каким образом гр. Соллогуб мог быть на балу с тросточкою?» [Ефремов: 335].

Тем не менее никто из пушкинистов не подверг эти мемуары скрупулезному анализу. Не было проведено даже тщательного сравнения цитируемых писем с обнаруженными подлинниками, хотя такое сравнение (о чем упоминают составители двухтомника воспоминаний о Пушкине как о свидетельстве достоверности мемуаров Соллогуба [А.С. Пушкин в воспоминаниях: 507]) приводит к обратным результатам. Это особенно удивительно, потому что сделать такой анализ практически очень легко. Как известно, Соллогуб оставил три редакции воспоминаний. Первая была записана П. В. Анненковым не позднее 1854 г. [Нечто о Пушкине: 374–381]. Вторую редакцию, названную Соллогубом своей «литературной исповедью», которая оправдывала бы его права на диплом члена Общества любителей Российской словесности [Соллогуб 1865: 740], он прочитал 28 марта 1865 г. по случаю его избрания. В том же году она была обнародована П. И. Бартеневым в «Русском архиве» [Соллогуб 1865: 735–772].

Наконец, третья редакция мемуаров Соллогуба появилась в «Историческом вестнике» в 1886 г. (№ 1–6, 11–12), а в следующем году вышла отдельным изданием [Соллогуб 1887]. Нет нужды перечислять различные переиздания его автобиографических сочинений, отметим только то, что в публикации его мемуаров в двухтомнике «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников» воспроизведены фрагменты полного издания воспоминаний Соллогуба [Соллогуб 1985: 335–347] и сокращенная речь его в Обществе любителей российской словесности [Соллогуб 1985: 347–352]. Но самая ранняя запись рассказа Соллогуба, сделанная П. В. Анненковым и опубликованная Б. Л. Модзалевским, в этом издании не приводится.

Между тем, создав несколько редакций своих воспоминаний, Соллогуб вложил в руки исследователей ключ для критики мемуаров. Можно лишь удивляться тому, что до сих пор никто этим ключом не воспользовался.

«Мне пришлось быть свидетелем и актером драмы, окончившейся смертью великого Пушкина», — так начинает В. А. Соллогуб ту часть своих воспоминаний, в которой рассказывается о дуэли и смерти поэта [Соллогуб 1985: 338]. Драматизм Соллогуб видит в том, что Пушкин «жил в Петербурге и жил светской жизнью, его убившей». К сожалению

нию, поэт имел «какое-то непостижимое пристрастие к аристократической среде, в которой он тем не менее чувствовал себя постоянно униженным и по достатку и по значению» [Соллогуб 1985: 338]. Поэт «страшился светской молвы, страшился сделаться еще более смешным перед светским мнением» [Соллогуб 1985: 339]. По словам мемуариста, вот эта боязнь, а вовсе не Дантес, была причиной смерти Пушкина, который «в лице Дантеса искал или смерти, или расправы со всем светским обществом». Когда поэт получил подметное письмо, «мера терпения преисполнилась». «Все хотели остановить Пушкина. Один Пушкин того не хотел» [Соллогуб 1985: 342–343]. Провидению было угодно, «чтобы Пушкин погиб», «он увлекался к смерти силою почти сверхъестественной и, так сказать, осязательною» [Соллогуб 1985: 346]. «Соллогуб был одним из немногих современников, кто понял и сформулировал в своих мемуарах общественный смысл гибели Пушкина», — читаем в комментариях к двухтомнику воспоминаний современников [Соллогуб 1985: 507]. Интересная позиция. Между прочим, она снимает даже тень вины с подлинных виновников в смерти поэта, в том числе, как мы увидим, и самого автора воспоминаний.

Какова же была роль в этой драме «актера» В. А. Соллогуба? Весьма и весьма значительная. Как ни странно, никто из пушкинистов не обратил внимания на то, что Соллогуб отводит себе важнейшую роль в событиях, завершившихся гибелью Пушкина. И это роль спасителя поэта!

Прежде всего Соллогуб подчеркивает свое значение в глазах Пушкина: «...Мы были в очень дружественных отношениях», «он особенно ко мне благоволил», «он поощрял мои первые опыты, давал мне советы, читал свои стихи и был чрезвычайно ко мне благосклонен, несмотря на разность наших лет» [Соллогуб 1985: 338]. Когда Соллогуб предложил себя Пушкину в качестве секунданта, он услышал в свой адрес целый набор комплиментов. Пушкин «мне сказал тут несколько таких лестных слов, что я не стал их повторять; но слова эти остались отраднейшим воспоминанием моей литературной жизни. Сколько раз вспоминал я, когда имя мое, более чем я сам, подвергалось насмешкам и ругательствам журналистов, доходивших иногда до клеветы, я смирял свою минутную досаду повторением слов, сказанных мне главою русских писателей как бы в предвидении, что и для моей скромной доли немало нужно будет твердости, чтоб выдержать многие непонятные,

негативные на авось и незаслуженные оскорбления» [Соллогуб 1985: 341].

Что же делал в дуэльной истории этот человек, столь высокоценимый поэтом? Как известно, в поздних воспоминаниях говорится о том, что Пушкин 16 ноября 1836 г. послал его к секунданту Дантеса О. д'Аршиаку обговорить условия дуэли, запретив ему вступать в какие-то ни было объяснения [Соллогуб 1985: 341]. Но Соллогуб нарушил инструкции поэта. Рано утром он сначала поехал к Пушкину, который повторил ему сказанное накануне, а затем отправился к д'Аршиаку. Только у него Соллогуб был введен в курс дела. То, что он узнал от секунданта Дантеса, его потрясло. «Я стоял, как пораженный, как будто свалился с неба». Д'Аршиак предъявил ему документы, возникшие в ходе дуэльной истории. Среди них была собственноручная записка Пушкина, в которой он объявлял, что берет свой вызов назад на основании слухов, что «г. Дантес женится на его невестке К. Н. Гончаровой». Это-то и поразило Соллогуба, ведь до этого момента, он, по его словам, «об этой свадьбе...ничего не слышал, ничего не видал». Только тут он понял, почему накануне Е. Н. Гончарова была в белом платье, отчего за ней ухаживал Дантес и почему дуэль отложили на две недели [Соллогуб 1985: 342]. На самом деле, это удивление Соллогуба — не более как литературный прием, употребленный мемуаристом с целью самовозвеличивания.

Д'Аршиак объявил Соллогубу, что Дантес хочет жениться, но может сделать это только в том случае, если Пушкин «откажется просто от своего вызова без всякого объяснения, не упоминая о городских слухах». Иначе о Дантесе будут говорить, что он женился «во избежание поединка». Д'Аршиак предложил Соллогубу уговорить Пушкина «безусловно отказаться от поединка». Положение Соллогуба было «самое неприятное». Ему предлагали самый блистательный исход, «которого он не смел даже ожидать, а между тем у него не было поручения вести переговоры». Соллогуб никогда «в жизнь свою не ломал так голову». Спустя три часа он потребовал бумагу и написал Пушкину записку с предложением признать, что Дантес в настоящем деле вел себя «как честный человек». Тогда Дантес женится на Гончаровой, чему сам Соллогуб и д'Аршиак служат порукой. Через два часа пришел ответ Пушкина. Он принял предложение Соллогуба и написал, что отказывается от вызова, так как по городским слухам узнал: Дантес женится на его

свояченице. При этом Пушкин признал, что Дантес в настоящем деле «вел себя честным человеком» [Соллогуб 1985: 343–344].

Ответ Пушкина разрешил ситуацию. В тот же вечер была объявлена свадьба. Выходит, Соллогуб ломал голову не зря. Благодаря его находчивости дуэль расстроилась, и все разрешилось самым лучшим образом. Однако Пушкин сердился на него за то, что, несмотря на его приказание, Соллогуб все же вступил в переговоры [Соллогуб 1985: 345]. Но этим роль мемуариста в ноябрьской истории не исчерпывается. Через несколько дней он спас Пушкина от дуэли во второй раз. Пушкин прочитал ему письмо к Я. Геккерну. Это было в одну из суббот. Соллогуб поехал к В. Ф. Одоевскому, встретил там В. А. Жуковского, рассказал ему обо всем. Жуковский остановил отсылку письма и через несколько дней сообщил об этом Соллогу. Письмо к нидерландскому посланнику, которое неминуемо должно было повлечь за собой дуэль, отправлено не было. В начале декабря 1836 г. Соллогуб уехал из Петербурга. В его отсутствие произошла дуэль, на которой Пушкин был смертельно ранен.

Выходило, что именно Соллогуб своим участием в ноябрьской дуэльной истории дважды спасал поэта от смертельной опасности. Но стоило мемуаристу уехать, как трагедия свершилась. Так можно резюмировать основной замысел воспоминаний Соллогу о Пушкине в поздних редакциях. Но составляя их, мемуарист не учел одного важного обстоятельства. А именно того, что в начале 1850-х гг. он рассказал о ноябрьской дуэльной истории П. В. Анненкову, и что записанный пушкинистом рассказ, долго оставшийся неопубликованным, может быть когда-то обнаружен.

Это произошло в 1929 г. — через год после того, как вышло последнее прижизненное издание книги П. Е. Щеголева о дуэли и гибели Пушкина [Щеголев 1928] — наиболее содержательное исследование обстоятельств гибели поэта, не потерявшее своего научного значения до настоящего времени. В этом сочинении ноябрьская дуэльная история трактовалась согласно поздним воспоминаниям Соллогу [Щеголев 1999: 96–102], потому что других историк просто не знал. После того как Б. Л. Модзалевский обнаружил записи Анненкова, пушкинисты при изложении событий ноября 1836 г. обычно комбинировали данные ранней и поздних редакций воспоминаний Соллогу, составляя из них единое целое. Исследователи как бы и не замечали, что раз-

новременные тексты мемуариста не только не согласуются, но прямо-таки противоречат друг другу. Соллогуб же, не желая того, опровергает самого себя.

Ранняя редакция мемуаров позволяет установить, насколько всё рассказанное в Обществе любителей российской словесности, а затем в опубликованных воспоминаниях, не соответствует действительности. Характерно, что в ранней редакции еще нет восторженной оценки поэтом личности самого Соллогуба, так подозрительно выглядевшей в поздних редакциях. Очевидно, что дифирамбы себе устами Пушкина — это изобретение пятидесятилетнего мемуариста.

Согласно ранней редакции, утром 17 ноября 1836 г. Соллогуб, вопреки пожеланию Пушкина, вначале отправился вовсе не к д'Аршиаку, а прямо к Дантесу и именно от него узнал позицию кавалергарда относительно дуэли и свадьбы с Гончаровой. То, что Дантес сказал Соллогубу [Нечто о Пушкине: 379], вполне соответствует записке Дантеса, находящейся сегодня, по-видимому, в архиве Геккернов [Щеголев 1999: 94]: в отказе Пушкина от дуэли на основании того, что он узнал из городских слухов о намерении кавалергарда жениться на Гончаровой, не должно быть упоминаний о свадьбе. Вызов Пушкина следует отозвать без указания причин.

От Дантеса Соллогуб поехал к Пушкину и изложил позицию кавалергарда, Пушкин отнесся к ней резко отрицательно. Услышав о том, что поручик хочет, «чтобы имя женщин не упоминалось во всей этой истории», поэт парировал: «А тогда зачем все это?» [Нечто о Пушкине: 379]. Только после выяснения позиции Пушкина, Соллогуб отправился к д'Аршиаку для обсуждения условия дуэли. Конечно же, никакого удивления у д'Аршиака Соллогуб не мог испытать, как он утверждал впоследствии, так как уже был посвящен в курс дела Дантесом и самим Пушкиным и хорошо представлял позиции противников. Первоначально д'Аршиак держался позиции Дантеса: Пушкин должен отказаться от дуэли, не упоминая о свадьбе. Но столкнувшись с нежеланием поэта идти на компромисс, решил все же склонить к этому Дантеса, поскольку Соллогуб заявил, что на Пушкина надо смотреть, «как на большого» [Нечто о Пушкине: 380]. Договорились встретиться в три часа у Дантеса. Где провел это время Соллогуб, неизвестно, но, когда он приехал в Нидерландское посольство, д'Аршиак сообщил ему о смягченной позиции так называемого «сына» посланника. Соллогуб письмом

известил об этом Пушкина [Пушкин 1997: 188] и получил от него письменное согласие на предложенные условия [Пушкин 1997: 188]. Следует подчеркнуть: именно д'Аршиак посредством Соллогуба сообщил Пушкину, что тот должен устно подтвердить свой отказ от вызова на основании устного же поручительства обоих секундантов в том, что Дантес женится на Гончаровой, и при этом заявить о благородном поведении кавалергарда. Тогда свадьба состоится.

Таким образом, вовсе не гениальная изобретательность Соллогуба привела к мирному исходу, как он пытался убедить своих читателей впоследствии.

Соллогуб был привлечен к переговорам на той их стадии, когда обе стороны сошлись на том, что Пушкин откажется от вызова, а Дантес женится на Гончаровой. Но они искали лишь того, что в практике работы государственной Думы начала XX в. называлось «формулой перехода», то есть письменной формулировкой, на основании которой переходили к следующим делам. Геккерны, «отец» и «сын», стремились получить от Пушкина такой документ, который бы не позволял обвинить Дантеса в том, что он женился на Гончаровой для того, чтобы избежать дуэли. До нас дошло несколько вариантов обсуждавшегося в Нидерландском посольстве текста, который Дантес хотел получить от Пушкина [Пушкин 1997: 187, 341]. Поэт же стремился дать документ, не оставляющий сомнений в том, что кавалергард готов жениться, чтобы не выходить к барьеру [Пушкин 1997: 232–233]. При этом Пушкин намеривался сделать достоянием гласности то, что обе стороны обязались сохранить в тайне.

Когда В. А. Жуковский, выступавший в роли посредника до того, как Соллогуб занял его место, узнал о дальнейших планах Пушкина по дискредитации Геккернов, он назвал роль, которую Александр Сергеевич отводил ему в этой игре, ролью «свиньи» [Пушкин 1997: 187]. Поэтому Жуковский отказался участвовать в дальнейших переговорах [Щеголев 1999: 91–93]. Тогда роль «свиньи», как определил ее Жуковский, Пушкин отвел Соллогубу. Но мемуарист об этом, видимо, и не догадывался. Во всяком случае, в своих мемуарах (во всех их редакциях) он ни словом не обмолвился о так называемом письме Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г. [Пушкин 1997: 191–192]. В момент первой публикации воспоминаний Соллогуба в 1865 г. это письмо было уже два года как обнародовано А. Н. Аммосовым [Аммо-

сов: 43–45]. Из письма явствовало, что Пушкин намеревался сделать достоянием гласности тот факт, что Дантес согласился жениться на его свояченице, чтобы избежать дуэли. Геккерны хотели, чтобы в отказе от вызова содержалась фраза о решении Дантеса жениться после дуэли. Поэт такого документа, дезавуирующего его планы по дискредитации противника, давать не хотел, но все же дал. Твердая позиция Пушкина заставила Геккернов пойти на уступки, однако уступки были взаимные. Поэту тоже пришлось уступить кавалергарду. С одной стороны, Пушкин не устно, но письменно подтверждал: Дантес вел себя как порядочный человек. При этом вопреки требованию Дантеса не упоминать о свадьбе, поэт о ней все же упомянул. Но таким образом, что это упоминание не позволяло поставить кавалергарда к позорному столбу как труса, избежавшего поединка посредством брака. Пушкин написал: благодаря слухам он узнал, что Дантес объявил о своем желании жениться на его свояченице после дуэли. Такая формулировка содержалась в предложениях Дантеса еще до того, как Соллогуб выступил в роли посредника. Вот эта фраза «после дуэли», на которую не обратили внимания пушкинисты, лишала возможности утверждать, что француз струсил и поэтому предпочел жениться, ибо он был готов выйти на поединок, а потом, в случае благоприятного для него исхода, вступить в брак с Гончаровой. Очевидно, Пушкин был вынужден пойти на эту важную для него уступку под давлением гончаровского рода. Гончаровы стремились во чтобы то ни стало выдать замуж свояченицу поэта и никак не хотели согласиться с тем, что Пушкин может лишить их этого «счастья». Но такое отступление от первоначальных замыслов срывало готовившейся план пушкинский мести обоим Геккернам. Соллогуб же был лишь передаточным звеном в этих переговорах. Хотя мемуарист именуется себя «секундантом», он, скорее всего, играл роль (особенно на начальной степени переговоров) «посредника». Недаром же Пушкин в ответном письме Соллогубу называет его, равно как и д'Аршиака, вовсе не «секундантами», как утверждал мемуарист [Соллогуб 1985: 343–344], но лишь «свидетелями» («les temoins») [Пушкин, 1997: 188]. Естественно, приглашая Соллогуба принять участие в его деле, Пушкин просил его стать «свидетелем объяснения» [Нечто о Пушкине: 378]. Понятно, выглядеть секундантом самого Пушкина в глазах общества было бы очень почетно. Кроме того, назвав себя именно «секундантом», Соллогуб создал возможность объявить себя автором афоризма «Du reste si

vous avez besoin d'un troisième, d'un second, disposez de moi («Впрочем, если Вам нужен третий, секундант — располагайте мной») — слова, которые он якобы произнес Пушкину, когда узнал, что поэт послал Дантесу вызов [Нечто о Пушкине: 378].

Передавая по памяти записку, которую он написал Пушкину со слов д'Аршиака, и ответ Пушкина на это послание [Соллогуб 1985: 344], мемуарист ни словом не обмолвился о том, что Александр Сергеевич в своем отзыве употребил формулу «после дуэли». Но эта формула содержится в ответном письме поэта Соллогубу, которое до нас дошло [Пушкин 1997: 188]. К сожалению, составители сборника воспоминаний о Пушкине, вопреки своим утверждениям, что точность воспоминаний Соллогуба подтверждается сравнением цитат мемуариста по памяти с обнаруженными после подлинными письмами [Соллогуб 1985: 507], такого сопоставления не произвели. А оно объяснило бы, почему Пушкин, согласившись пойти навстречу предложениям д'Аршиака, потом счел необходимость составить письмо к Бенкендорфу, предназначенное для того, чтобы открыто заявить обществу, что Дантес решил жениться из-за желания избежать поединка.

Что же касается утверждения Соллогуба о том, что он предотвратил отправку письма к Геккерну, то и оно вызывает сомнение. В первой редакции воспоминаний Соллогуб сообщил, что «однажды» Пушкин прочитал ему письмо Геккерну. Испугавшись последствий, Соллогуб рассказал об этом Жуковскому. А тот «на другой день» его успокоил: ему удалось остановить отправку письма [Нечто о Пушкине: 381]. Но в поздней редакции «однажды» заменено на «через несколько дней» и появляется упоминание о «субботе», то есть 21 ноября 1836 г. [Соллогуб 1985: 345]. На этом основании исследователи датировали письмо Пушкина к Геккерну 21 ноября 1836 г. Первым это сделал П. И. Бартенев [Соллогуб 1865: 765–766]. Однако эти «уточнения», сделанные Соллогубом через десять лет, вызывают недоверие. Тем более сильное, поскольку есть основания полагать, что письмо написано намного позже: в нем Пушкин предлагает Геккерну отгадать, что помешало ему дискредитировать посланника в глазах обоих дворов [Пушкин 1997: 262–263]. Имеется в виду, конечно же, вмешательство царя, то есть аудиенция 23 ноября 1836 г. [Абрамович 1989: 174–186], а значит: письмо написано не ранее этой даты. На основании реконструкции черновиков указанного письма можно утверждать: оно написано после ноябрьской встре-

чи поэта с царем. Да и главная цель этого письма — заставить Геккерна прекратить происки Дантеса — более уместно выглядит в контексте поведения кавалергарда в конце декабря или в январе 1837 г. [Сафонов 2015: 28].

Наконец, установив степень достоверности мемуаров Соллогуба, мы можем существенно уточнить дуэльную историю. Соллогуб в поздней редакции сообщает перечень дуэльных документов, которые были ему предъявлены д'Аршиаком [Соллогуб 1985: 342]. Этот перечень, состоящий из четырех документов, вызывает серьезные сомнения. В нем фигурирует письменный вызов Дантеса на дуэль. Заметим, что это единственное упоминание о существовании такого документа, которого никто никогда не видел, и которого не было ни среди бумаг Пушкина, ни в архиве Геккернов [Сафонов 2016: 777–783]. Нет сомнения, что это еще одна выдумка мемуариста. Пушкин в так называемом письме к А. Х. Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г. пишет недвусмысленно, что он поручил «сказать» об этом Дантесу [Пушкин 1997:192]. Дантес же на суде категорически утверждал, что получил «словесный» вызов Пушкина [Дуэль Пушкина с Дантесом: 42]. Более чем сомнительно, что у Геккернов на руках был пасквиль Пушкину. Во время расследования дуэли в Военно-судной комиссии выяснилось, что ни Дантес, ни Геккерн таким документом не располагали. После дуэли Геккерн-«отец» видел его у К. В. Нессельроде и в письме к «сыну» описывал, как выглядел этот пасквиль [Поляков: 17; Щеголев 1999: 304]. В рассказе П.В. Анненкову список документов был в два раза короче: только «вызов Пушкина, потом отзыв его — *qu' ayant appris par le bruit publicque M. Dantes voulait épouser sa belle soeur il retirait la provocation*» [Нечто о Пушкине: 380]. Ни пасквиля, ни письма посланника с просьбой отложить поединок на две недели там не было. Такого документа вообще не существовало.

И еще одно важное обстоятельство. Соллогуб в поздней редакции уделяет много внимания описанию «африканских страстей»: здесь и задрожавшие губы, и сверкающие глаза и «бешенный порыв страсти» [Соллогуб 1985: 345]. Соллогуб тем самым подхватывает мотив Геккерна об африканском происхождении Пушкина как главной причине случившегося [Щеголев 1999: 299]. По нашему мнению, что эти утверждения всецело на совести мемуариста. Речь идет не только о дешевых литературных эффектах. Было бы глупо отрицать, что Пушкин не был способен на бешенство. Тому есть много достоверных свидетельств.

Но текстологическое исследование всех документов, возникших в ходе подготовки ноябрьской дуэльной истории и отражающих различные нюансы ее развития свидетельствует о том, что в этой ситуации поэт действовал на редкость обдуманно и хладнокровно. Беда была лишь в том, что аудиенция Николая I во дворце 23 ноября 1836 г. не позволила поэту реализовать задуманный план [Абрамович 1989: 182–186].

На первый взгляд, мемуары Соллогуба — типичнейший пример того, как мемуаристы стараются возвысить себя в общественном мнении посредством своих воспоминаний. Не успела выйти в печати речь Соллогуба в Обществе любителей российской словесности, как сатирическая газета «Будильник» откликнулась на нее издевательской сатирой: «Литературные воспоминания Маслогуба». Аноним очень тонко высмеял тон, в котором Соллогуб пытался возвеличить себя устами покойного поэта [Литературные воспоминания Маслогуба: 285]. Дочь же современницы Пушкина А. О. Смирновой-Россет О. Н. Смирнова на экземпляре воспоминаний Соллогуба, ныне хранящемся в Пушкинском Доме¹, оставила несколько саркастических пометок. Против того места, где Соллогуб рассказывал о своей близкой дружбе с Пушкиным, она пометила: «Ну, не Хлестаков ли Соллогуб?» [Вацуру: 102].

Таким образом, мемуары Соллогуба, время их появления, сопоставление текста различных редакций дают основания к выводу о том, что мемуарист без достаточных оснований приписывал себе роль спасителя Пушкина. А это в свою очередь порождает другой важный вопрос: только ли тщеславие двигало мемуаристом, либо же у него были иные более важные причины поступать таким образом [Сафонов 2002; Сафонов 2006: 105–113; Сафонов 2007; Сафонов 2012: 175–185; Сафонов 2014а: 385–393; Сафонов 2014б].

¹ Шифр экземпляра, поступившего из собрания А. Ф. Онегина-Отто, в библиотеку Пушкинского Дома: 89 22/73.

Список литературы

Источники

Аммосов А. Н. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина: Со слов б. его лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса. СПб.: Я. А. Исаков, 1863. 70 с.

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников в двух томах. М.: Худож. лит., 1985. Т. 2. 575 с.

Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. СПб.: Изд-е А. С. Суворина, 1887. 288 с.

Дуэль Пушкина с Дантесом: Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1900. 179 с.

Ефремов П. А. Александр Сергеевич Пушкин. 1799–1837 // Русская старина. 1879. Т. 25. С. 671–690, 871–888; Т. 26. С. 291–328, 505–522; Т. 27. С. 129–148; 1880. Т. 28. С. 69–104, 532–538.

Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба // Русский архив. 1865. Вып. 5. Стб. 735–772.

Литературные воспоминания Маслогуба // Будильник. 1865. 21 сентября. № 72.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.: Воскресенье, 1997. Т. 16. 532 с.

Соллогуб В. А. Из «Воспоминаний» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 2. С. 335–347.

Исследования

Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году (предыстория последней дуэли). Л.: Наука, 1989. 312 с.

Вацуро В. Э. Из разысканий о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л.: Наука, 1974. С. 100–108.

Поляков А. С. О смерти Пушкина: (По новым данным). Пб.: ГИЗ, 1922. 115 с.

Сафонов М. М. Анонимный пасквиль А. С. Пушкину и Мальтийский орден // Рыцари Мальтийского креста. СПб.: ООО Селеста, 2006. С. 105–113.

Сафонов М. М. Имя его неизвестно, подлость его бессмертна. Кто все-таки 170 лет назад написал анонимный пасквиль Пушкину? // Город. 2007. № 5 (230). 19 февраля

Сафонов М. М. «Ссора на лестнице» или еще одна легенда о гибели Пушкина // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 22–29.

Сафонов М. М. Настоящего виновника в этом деле назовет Париж // Віддане-служіння історичній науці: до 70-річчя професора Григорія Казьмирчука. Київ: КП Укр СІЧ, 2014. С. 385–393.

Сафонов М. М. Соллогубовский обман. Существуют ли неизвестные документы, поясняющие смерть Пушкина? // Известия. 2002. 17 июня.

Сафонов М. М. Существовал ли письменный вызов Пушкина на дуэль? // Острова любви БорФеда: Сборник к 90-летию Бориса Федоровича Егорова. СПб.: Росток, 2016. С. 777–783.

Сафонов М.М. Таинственный пакет в Париже // Санкт-Петербургские ведомости. 2014. 6 июня. № 105.

Сафонов М. М. Тайна смерти Пушкина до сих пор не разгадана // Смена. 2002. 8 февраля.

Сафонов М. М. 1812 год и гибель Пушкина // 1812 год в судьбах России и Европы: Сборник трудов международной научной конференции. СПб.: Исторический факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. С. 175–185.

Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 550 с.

Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб.: Академический проект, 1999. 656 с.

References

Abramovich, S. L. *Pushkin v 1836 godu (predystoriia poslednei dueli)* [*Pushkin in 1836 (Prehistory of the Last Duel)*]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 312 p. (In Russ.)

Vatsuro, V. E. “Iz razyskanii o Pushkine” [“From the Research about Pushkin”]. *Vremennik Pushkinskoi komissii*, 1972. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 100–108 (In Russ.)

Polyakov, A. S. *O smerti Pushkina: (Po novym dannym)* [*About Pushkin's Death: (According to New Data)*]. St. Petersburg, GIZ Publ., 1922. 115 p. (In Russ.)

Safonov, M. M. “Anonimnyi paskvil’ A. S. Pushkinu i Mal’tiiskii orden” [“Anonymous Lamppoon to A. S. Pushkin and the Maltese Order”]. *Rytsari Mal’tiiskogo kresta [Knights of the Maltese Cross]*. St. Petersburg, Selest Publ., 2006, pp. 105–113. (In Russ.)

Safonov, M. M. “Imia ego neizvestno, podlost’ ego bessmertna. Kto vse-taki 170 let nazad napisal anonimnyi paskvil’ Pushkinu?” [“His Name is Unknown, His Meanness is Immortal. Who, After All, Wrote an Anonymous Lamppoon to Pushkin 170 Years Ago?”]. *Gorod*, no. 5 (230), 2007, February 19. (In Russ.)

Safonov, M. M. “‘Ssora na lestnitse’ ili eshche odna legenda o gibeli Pushkina [“Quarrel on the Stairs’ or Another Legend About the Death of Pushkin”]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 3, 2015, pp. 22–29. (In Russ.)

Safonov, M. M. “Nastoiashchego vinovnika v etom dele nazovet Parizh” [“Paris will Name the Real Culprit in this Case”]. *Viddanesluzhinnia istorichnii nauksi: do 70-richchia profesora Grigoriia Kaz’mirchuka* [*Contribution to Historical Science: to the 70th Anniversary of Professor Hryhoriy Kazmyrchuk*]. Kyiv, KP Ukr SICH Publ., 2014, pp. 385–393. (In Russ.)

Safonov, M. M. “Sollogubovskii obman. Sushchestvuiut li neizvestnye dokumenty, poiasniaiushchie smert’ Pushkina?” [“Sollogub’s Deception. Are there Unknown Documents, which Explain Pushkin’s Death?”]. *Izvestiia*, 2002, June 17. (In Russ.)

Safonov, M. M. “Sushchestvoval li pis’mennyi vyzov Pushkina na duel?” [“Was There a Written Challenge of Pushkin to a Duel?”]. *Ostrova liubvi BorFed: Sbornik k 90-letiiu Borisa Fedorovicha Egorova [BorFed’s Islands of Love: Collection for the 90th Anniversary of Boris Fedorovich Egorov]*. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016, pp. 777–783. (In Russ.)

Safonov, M. M. “Tainstvennyi paket v Parizhe” [“The Mysterious Package in Paris”]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, no. 105, 2014, June 6. (In Russ.)

Safonov, M. M. “Taina smerti Pushkina do sikh por ne razgadana” [“The Mystery of Pushkin’s Death Has Not Yet Been Solved”]. *Smena*, 2002, February 8. (In Russ.)

Safonov, M. M. “1812 god i gibel’ Pushkina” [“1812 and the Death of Pushkin”]. *1812 god v sud’bakh Rossii i Evropy: Sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [1812 in the Fate of Russia and Europe: Proceedings of the International Scientific Conference]*. St. Petersburg, Faculty of History of St. Petersburg State University Publ., 2012, pp. 175–185. (In Russ.)

Shchegolev, P. E. *Duel’ i smert’ Pushkina: Issledovaniia i materialy [The Duel and the Death of Pushkin: Research and Materials]*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel’stvo Publ., 1928. 550 p. (In Russ.)

Shchegolev, P. E. *Duel’ i smert’ Pushkina [The Duel and the Death of Pushkin]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 656 p. (In Russ.)